

Максим Горький

А. С. Пушкин

Максим Горький

А. С. Пушкин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2150055

Аннотация

«...По необходимости, объясняемой недостатком времени, я рассказываю вам о литературе в том же порядке, в каком написаны нашими историками литературы книги о ней, то есть останавливаясь на крупных именах. Приём этот вы не должны признавать правильным, – он рисует дело так, как будто все эти Фонвизины, Жуковские, Пушкины и другие величины русской литературы выростали вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине. Этот взгляд – неприемлем, он подтверждал бы преувеличенное мнение романтиков о силах личности и роли её в истории. Нет, вы должны знать и помнить, что до Фонвизина прошёл ряд людей, начиная с А. Кантемира, молдаванина, родившегося в 1709 году и писавшего ещё при Петре Первом, частью отмеченных литературой, частью же забытых ею, что все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта, что Фонвизин и Жуковский обобщали уже данное им предшественниками, причём эти обобщения могли быть и бессознательны, то есть могли почерпаться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт...»

Содержание

Максим Горький

А. С. Пушкин

...По необходимости, объясняемой недостатком времени, я рассказываю вам о литературе в том же порядке, в каком написаны нашими историками литературы книги о ней, то есть останавливаясь на крупных именах. Приём этот вы не должны признавать правильным, – он рисует дело так, как будто все эти Фонвизины, Жуковские, Пушкины и другие величины русской литературы выросли вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине. Этот взгляд – неприемлем, он подтверждал бы преувеличенное мнение романтиков о силах личности и роли её в истории. Нет, вы должны знать и помнить, что до Фонвизина прошёл ряд людей, начиная с А. Кантемира, молдаванина, родившегося в 1709 году и писавшего ещё при Петре Первом, частью отмеченных литературой, частью же забытых ею, что все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта, что Фонвизин и Жуковский обобщали уже данное им предшественниками, причём эти обобщения могли быть и бессознательны, то есть могли почерпнуться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт.

(Спросить – понятно ли.)

Личные особенности психики каждого крупного поэта и

писателя этим указанием не отрицаются: они налицо перед нами в каждом данном случае: Пушкин шире, умнее, талантливее Жуковского – он талантливее именно потому, что шире, он умнее и талантливее именно потому, что насыщен большим количеством знаний, он мастер стиха, превосходящий в технике своих предшественников, но он таков именно потому, что у него были предшественники, отработавшие технику, каждый на свой лад, а Пушкин – мог и сумел объединить в себе всю её новизну и гибкость.

Предшественники и современники Пушкина – Жуковский, Нелединский-Мелецкий, Веневитинов, Катенин, И. Пушкин – его дядя, – кн. Вяземский, кн. Одоевский и целый ряд других поэтов – часто писали стихи, по форме почти равные стихам Пушкина. Но все эти писатели были, так сказать, «любителями поэзии», они старались писать изящно, как французы, поэзия для них была приятной светской забавой; они писали главным образом послания друг ко другу, слащавые любезности в альбомах светских дам; редко кто-нибудь из них возвышался до небольшой поэмы в романтическом тоне – на сюжет о безнадёжной любви или о тленности всего земного. Единственным писателем, который касался тем социальных, был Рылеев, декабрист, впоследствии повешенный.

Отметим здесь тот факт, что в рядах декабристов было несколько поэтов. Каховский – тоже повешенный, Кюхельбекер и Одоевский, сосланные в Сибирь, Пушкин, Бестужевы

– всё это близкие друзья Пушкина, который, как известно, только благодаря случаю – отсутствию из Петербурга – не принял участия в декабрьских событиях, а впоследствии, на вопрос Николая – с кем он был бы 14 декабря? – ответил: «С моими друзьями, ваше величество!»

...В стране экономически отсталой и не успевшей принять классовую организацию, в стране, где правительство всячески старалось уединиться от народа и общества и, заботясь о своём самосохранении, о развитии своих сил, развивало только бюрократический административный аппарат, который душил всех с одинаковым усердием, – в этой стране все должны были объединяться на почве оппозиции правительству и политические вопросы просачивались в душу человека извне даже тогда, когда сам он не хотел этого.

Тем более подчинялись политике литераторы как люди широких обобщений, как наиболее чутко воспринимающий, объективно мыслящий мозг – вот причина, почему русская литература вплоть до наших дней стояла в теснейшей связи с революционными течениями.

И здесь же мы находим объяснение тому факту, что русский литератор – как было сказано – в своих образах и обобщениях шире и объективнее литератора западного, ибо, даже будучи по основам психики своей человеком классовым, он был понуждаем возвышаться над узкими задачами своего класса, был принужден заботиться не столько о выработке

классовой идеологии, сколько о борьбе против идей и действий правительства, одинаково враждебных всем классам.

Необходимо было создать что-то, что объединило бы всю массу общества, необходима была борьба с идеологией бюрократ[ии] и царей, – нужно было выдвинуть против понятия «народность» иное понятие, а для того, чтоб выработать его, требовалось внимательное изучение народа.

Просмотрим это положение на примере Пушкина.

Он – дворянин, он обладает предрассудками аристократа, гордящегося древностью своего имени.

Когда Булгарин, лакей правительства и доносчик, упрекнул Пушкина в том, что предок его со стороны матери, негр Ганнибал, был куплен Петром в Голландии за бутылку водки, Пушкин ответил:

[.....]
Под гербовой моей печатью
Я свиток грамот схоронил,
И, не якшаясь с новой знатью,
Я крови спесь угомонил.
Я неизвестный стихотворец,
Я Пушкин просто – не Мусин,
Я сам большой, не царедворец:
Я грамотей, я мещанин.

P[ost] S[criptum]

Видок Фиглярин, сидя дома,
Решил, что дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Корме родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.
И был отец он Ганнибала,
Пред кем, средь гибельных пучин,
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

.....

«Моя родословная...»]

Здесь звучит нечто новое по тем временам – именно: звучит уверенность человека в его праве «читать самого себя» не только по заслугам предков, но за свои личные заслуги перед обществом.

Очень вероятно, что частые указания Пушкина на своё

дворянство вызывались следующими причинами:

1. В ту пору Александр, постепенно отдаляя от себя русских, заменял их немцами, – во главе государства становились люди с именами Клейнмихель, Адлерберг, Бенкендорф и т. д. По свидетельству Якушкина и других декабристов, это явление тревожило дворян и сливалось с общим оппозиционным настроением молодёжи.

Вспомните: они смотрели на себя как на победителей Европы, а их ставили под команду немцев.

2. Не менее вероятно и то, что лично Пушкин вкладывал в понятие дворянства чувство собственного достоинства, сознание своей человеческой ценности и внутренней свободы.

Вспомните опять-таки, что Фонвизин покаялся пред Екатериной в дерзостях своего пера, что Радищев – отрекался от своей книги, Новиков – лицемерил на допросах, а Пушкин – заявил царю в лицо, что 14 декабря он, Пушкин, встал бы в ряд с декабристами.

Но – посмотрим, как он сам смотрит на дворянство и зачем оно нужно ему:

[У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием; мы не хотим быть покровительствуемы равными – вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин. Дьявольская разница!..]

Рылеев сказал ему:

[Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным! Ты сам по себе молодец.]

Мне досадно, – отвечает Пушкин, – [что Рылеев меня не понимает. В чём дело? Что у нас не покровительствуют литературе и это – слава богу! Зачем же об этом говорить? Напрасно! Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нашей словесности. Чего ж тебе более? Загляни в журналы в течение шести лет, посмотри, сколько раз упоминали о мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасну, а о нашем приятеле – ни гугу! как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста – нет! а всякий знает, что хоть он расподличайся – никто ему спасибо не скажет и не даст пяти рублей: так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB. моё дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от сословия писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить, как иностранных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожил на них. Там есть нечего – так пиши книгу, а у нас есть

нечего – так служи, да не сочиняй...]

Это относится к 1825 году. Но в заметках поэта за 1825–30 годы мы находим такое признание:

[Нашед в истории – одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *con amore*¹, но безо всякой дворянской спеси. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое, древнее же пришло в упадок; его права уравниены с правами прочих сословий, великие имения давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать к такой аристокрации не представляет никакого преимущества в глазах благоразумного человека, и уединённое почитание к славе предков может только навлечь нареkania в страшном бессмыслии или в подражании иностранцам.

Но от кого бы я ни происходил, – от разночинцев, вышедших в дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, – образ мыслей моих от этого никак бы не зависел. Отказываться от него я ничуть не намерен, хоть нигде доньне я его не обнаруживал, и никому до него дела нет.]

До Пушкина литература – светская забава, литератор в лучшем случае – придворный, как Дмитриев, Державин, Жу-

---

¹ с любовью – *итал.*

ковский, или мелкий чиновник – как Фонвизин, Пнин, Рылеев. Если он придворный – с ним считаются, но покуда он чиновник – его третируют как забавника, как шута.

Вот как изображает Рылеев положение литератора:

[Опять под час в прихожей
Надутого вельможи
(Тогда как он покой
На пурпуровом ложе
С прелестницей молодой
Вкушает безмятежно,
Её лобзая нежно),
С растерзанной душой,
С главою преклоненной,
Меж челядью златой,
И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полу-царь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь.
Для пылкого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло,
И в шумном вихре света
Встречать везде ханжей,

Корнетов-дуэлистов,
Поэтов-эгоистов
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На Юге за свободу, —
О срам! о времена! —
Поссорились за оду!..

«Пустыня».]

Николай Полевой: отношение знати к литератору.

Пушкин первый почувствовал, что литература – национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недосыгаемую: в его глазах поэт – выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

В 1819 году, дружа с декабристами, Пушкин пишет на возвращение Александра из-за границы:

[Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!» —

Царь входит и вещает:
«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не измучен.
„Узнай ещё в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца – в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи
И людям все права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли“».
От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»

«Сказки (Noël)».]

В 1826 году, когда Николай возвратил его из ссылки, он говорит царю:

[В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлёк сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.
Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
Семейным сходством будь же горд,
Во всём будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

«Стансы».]

Но когда его упрекнули в лести за эти стихи, он отвечает:

[Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю...

«Друзьям».]

В ноябре 1823 года в Испании был казнён революционер Риго Нуньес; сообщая об этом царю, граф Воронцов сказал: «Какая счастливая новость, ваше величество!»

Пушкин немедленно откликнулся:

[Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риго был удушен.
«Я очень рад», сказал усердный льстец:
«От одного мерзавца мир избавлен!»
Все смолкнули, все потупили взор:
Всех удивил неожиданный приговор.
Риго был, конечно, очень грешен, —
Согласен я, – но он за то повешен;
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этак нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел своей улыбкой ободрить,
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства!]

и заклеил Воронцова таким четверостишием:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, – но есть надежда,
Что будет полным наконец.

И в том же самом 1826 году, когда он советовал Николаю:

Во всём будь прашуру подобен...

он, присмотревшись к порядкам нового царствования, характеризует его так:

[Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
Царь же ездил на развод.
Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куролесит
И попрежнему развод.]

2

А в 1827 году посылает в Сибирь друзьям строки, полные надежды:

[Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.]

---

² Эпиграмма А.С.Пушкину не принадлежит. Ранее приписывалась А.С.Пушкину, была включена в сборник, изд. Р.Вагнера, Берлин, 1861, по которому цитировал М.Горький – *прим. ред.*

Несчастью верная сестра —
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Прийдёт желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

«В Сибирь (Декабристам)».]

Декабристы устами князя Одоевского ответили ему:

[Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.
Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя —
И православный наш народ
Сберётся под святое знамя.
Мечи скуём мы из цепей

И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И радостно вздохнут народы.]

Он – дворянин; но когда вышла в свет «История» Карамзина, Пушкин великолепно пригвоздил её своим стихом:

На плаху истину влача,
Он доказал нам без пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

3

Он пишет:

В России нет закона:
В России столб стоит,
К столбу закон прибит,
А на столбе корона.

4

Нужно помнить, что за каждое из таких стихотворений в ту пору можно было получить каторгу, ссылку, тюрьму.

По отношению к правительству Пушкин вёл себя совер-

---

³ Принадлежность эпиграммы А.С.Пушкину не доказана. – *ред.*

⁴ Эпиграмма А. С. Пушкину не принадлежит. Ранее приписывалась А. С. Пушкину, была включена в сборник, изд. Р. Вагнера, Берлин, 1861, по которому цитировал М. Горький – *прим. ред.*

шенно открыто: когда до двора дошли его ода «Вольность», его эпиграммы на министров и царя и когда узнали, что он показывал в театре портрет Лувеля, убившего герцога Беррийского, – граф Милорадович вызвал его к себе, а в квартире велел сделать обыск.

«Обыск не нужен, – заявил Пушкин, – я уже всё, что надо было, сжёг». И тут же написал на память все свои противоправительственные стихи. Только благодаря Карамзину и другим вельможам это кончилось для Пушкина высылкой из Петербурга, – Александр Первый предполагал сослать поэта в Сибирь или Соловки.

Теперь рассмотрим обвинение Пушкина в презрительном отношении к «черни», – как известно, на основании этого отношения наши реакционеры зачисляли Пушкина в свои ряды, а наши радикалы, вроде Писарева, отрицали за поэтом всякое значение.

Прежде всего надо знать, что презрительное отношение к «черни» было свойственно всем романтикам, начиная с Байрона, – это был один из лозунгов литературной школы.

Признавалось, как вы знаете, что поэт – существо высшего порядка, абсолютно свободное, стоящее вне законов человеческих. С этой точки зрения, разумеется, и общество, и государство, и народ резко отрицались, как только они предъявляли к поэту какие-либо социальные требования.

Наши писатели допушкинской эпохи тоже были заражены этим взглядом; так, например, Державин говорил:

Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь...

Он же:

Умолкни, чернь непросвещённа,
Слепые света мудрецы!..

Он же:

Прочь, буйна чернь непросвещённа
И презираемая мной!..

Дмитриев:

Будь равнодушен к осуждению
Толпы зоилов и глупцов...

Жуковский:

Не слушай вопли черни дикой...

Можно привести ещё десяток таких выкриков, но я вообще сомневаюсь в том, что эти выкрики относятся к народной толпе, к народу.

Причины сомнения следующие: поэты до Пушкина совершенно не знали народа, не интересовались его судьбой, ред-

ко писали о нём. Это придворные люди, вельможи, они всю жизнь проводили в столице и даже свои деревни посещали очень редко и на краткий срок. Когда же они изображали в своих стихах мужика, деревню – они рисовали людей кротких, верующих, послушных барину, любящих его, добродушно подчинявшихся рабству; деревенская жизнь рисовалась ими как сплошной праздник, как мирная поэзия труда. О Разине, Пугачёве – не вспоминали, это не сливалось с установленным представлением о деревне, о мужике.

Пушкин тоже начал с романтизма. Вот как он определяет свою позицию поэта:

[Поэт, не дорожи любовью народной!
Восторженных похвал пройдёт минутный шум,
Услышишь шум глупца и смех толпы холодной;
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.]

«Поэту (Сонет)».]

[Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне – свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова!⁵
Иные, лучшие мне дороги права,
Иная, лучшая потребна мне свобода...
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними!.. Никому
Отчёта не давать; себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствами и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиления —
Вот счастье! вот права!..

«Из VI Пиндемонте».]

Наконец, у него есть ещё более резкое определение своего отношения к «черни».

---

⁵ Hamlet – прим. А. С. Пушкина

[.....
Подите прочь, – какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело;
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы;
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры, —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор – полезный труд! —
Но, позабыв своё служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

«Чернь».]

Но – кто эта чернь? Подразумевал ли под нею Пушкин именно народ?

Рассмотрим вопрос.

Прежде всего Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу, не искажая в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных по-

этов. Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил не изменёнными их смысл и силу.

Возьмите сказку «О попе и работнике Балде», «О золотом петушке», «О царе Салтане» и так далее. Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а, напротив, оттенил ещё более резко.

Он перевёл с сербского несколько народных легенд из сборника Караджича; когда вышли подделанные французским писателем Проспером Мериме «Песни западных славян» – Пушкин немедленно переводит их на русский язык. Он записывал во время своих путешествий сказки и песни и более пятидесяти штук передал Киреевскому для его знаменитого сборника. Он собрал целый цикл песен о Стеньке Разине, которого называл «единственным поэтическим лицом в России», – заметьте, что Разин по своим намерениям и по духу был несравнимо демократичнее Пугача, с грустью осмеянного Пушкиным.

Бенкендорф сказал Пушкину: «Песни о Стеньке Разине, при всём поэтическом своём достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того, проклинает Разина, равно как и Пугачёва».

Пушкин непосредственно сталкивался с народом, спрашивал мужиков о жизни и – вот какие записи делал в своих путевых тетрадях...

Пушкин знал жизнь крестьян: возьмите из «Хроники села

Горюхина» отрывок «Правление приказчика» – это типичнейшая для того времени картина разорения деревни.

А вот деревенская картинка, написанная как будто Некрасовым:

[Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Что ж ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И песенкою нас весёлой позабавить?
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозём, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где ж нивы светлые? Где тёмные леса?
Где речка? На дворе, у низкого забора,
Два бедных деревца стоят в отраду взора, —
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
А листья на другом размокли и, желтея,
Чтоб лужу засорить, ждут первого Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок; за ним две бабы вслед;
Без шапки он; несёт под мышкой гроб ребёнка
И кличет издали ленивого попёнка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил;
Скорей, ждать некогда, давно б уж схоронил!

«Шалость».]

Он собирал песни и в Одессе, и в Кишинёве, и в Псковской губернии – для чего переодевался в платье мещанина, и, изучая народную жизнь, народную речь, ругает своё воспитание «поганым и проклятым». Он учится русскому языку у Крылова, ещё больше у своей няньки и всегда у ямщиков, торговков, в трактирах, на постоянных дворах, у солдат.

«Объят тоской за чашей ликования» – он бросает жизнь столицы и едет в деревню «насладиться простотой речей и ума народного игрою».

Этот человек не мог под именем «черни» подразумевать народ – его он уважал и о силе его догадывался чутьём.

Кто же та чернь, о которой поэт говорит с таким отвращением?

Несомненно, что под именем черни он подразумевал то светское, столичное общество, в котором жил. Посмотрим, как он характеризует это общество и не сольются ли эти характеристики с отношением Пушкина к черни.

Говоря о светском обществе, он восклицает:

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья.

Далее:

[.....

К доброжелательству досель я не привык,

И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный тяжкий стон
И выстраданный стих, пронзительно унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой —
Она в ладони бьёт и хвалит иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье, —
«Тем лучше», говорят любители искусств:
«Тем лучше! наберёт он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ними не найдёт сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...
.....]

«Ответ Анониму».]

И ещё: Алеко, в поэме «Цыганы», говорит своему сыну:

Расти на воле без уроков,
Не знай стеснительных палат
И не меняй простых пороков
На образованный разврат.

Изображение светского общества в «Онегине» достаточно — я не буду его повторять.

«Какой это ужас родиться в России талантливым челове-

ком!» – сказал он однажды, и много раз пришлось ему повторять эту горькую и верную фразу.

Пока Пушкин шёл тропой романтизма, протоптанной до него, пока он подражал французам, Байрону, Батюшкову, Жуковскому, – общество, замечая его удивительный талант, цenia музыку нового стиха, одобряло поэта.

Но как только он встал на свои ноги и заговорил чистым русским, народным языком, начал вводить в литературу народные мотивы, обыденную жизнь, стал изображать жизнь реально, просто и верно, – общество стало относиться к нему насмешливо и враждебно, чувствуя в нём строгого судью, беспристрастного свидетеля русской пошлости, невежества и рабства, жестокости и холопства пред силою власти.

Про него говорили, что ссылка в Сибирь заменена ему ссылкой в Одессу потому, что он позволил себя высечь. В Одессе его травили, рассматривая как ссыльного, мелкого чиновника и не считаясь с его дарованием. Он озлоблялся и был вынужден «противопоставлять табели о рангах то демократическую гордость таланта и ума, то своё 600-летнее дворянство».

В семье к нему относились подозрительно и грубо: отец даже однажды обвинил поэта в покушении на убийство, что грозило каторгой.

Его травил Булгарин, искажала цензура, Бенкендорф преследовал выговорами. Стихотворения «Моя родословная», «На выздоровление Лукулла» и насмешливые четверости-

шие вызвали, наконец, непримиримую злобу к поэту; ловкие люди искусно раздували общее недоброжелательство к нему, наконец против него была пущена в ход клевета, и – вскоре его застрелили.

Его судьба совершенно совпадает с судьбою всякого крупного человека, волею истории поставленного в необходимость жить среди людей мелких, пошлых и своекорыстных, – вспомните, что говорилось здесь о Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело.

Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо для европейского искусства.

Мы должны уметь отделить от него то, что в нём случайно, то, что объясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами, – всё дворянское, всё временное – это не наше, это чуждо и не нужно нам.

Но именно тогда, когда мы откинем всё это в сторону, – именно тогда пред нами и встанет великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», – поэт, до сего дня никем не превзойдённый ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт – родоначальник великой русской литературы.

Повторим ещё раз его самохарактеристики – они поучительны как взгляд поэта на задачи его в жизни.

«ЭХО»

«ПРОРОК»

«ПАМЯТНИК»

Что же даёт Пушкин читателю-пролетарию? Во-первых – на примере его творчества мы видим, что писатель, богатый знанием жизни, так сказать перегруженный опытом, в своих художественных обобщениях выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса – и объективно рисует нам этот класс с внешней стороны как неудачную и нестройную организацию части исторического опыта, с внутренней – как психику своекорыстную, полную непримиримых противоречий.

Чисто и резко классовый писатель стремится представить свой класс владыкой и собственником неоспоримых социальных истин, которые для всей массы народа имеют обязательное значение, для всех являются догматами, требующими безусловного подчинения им; такой писатель изображает идеи, чувства и верования своего класса как единственно правильное, полное и верное отражение всех сторон жизни – всего опыта человечества.

Несомненно, что Пушкин – дворянин, он сам одно время кичился этим, но нам важно знать, что уже в юности своей он почувствовал тесноту и духоту дворянских традиций, понял интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и – отразил всё это, всю жизнь дворянства, все его пороки и слабости с поразительной верностью.

В примере Пушкина мы имеем писателя, который, будучи

переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, чего и достигал с гениальным умением.

Его произведения – драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи; все они суть гениальные иллюстрации к русской истории.

Писатель классовый, группируя свои наблюдения по шаблону интересов своего класса, говорит нам:

– Вот истина, извлечённая мною из наблюдений над жизнью человеческой, – иной истины нет, не может быть!

Это – превращение тенденции одного класса в догмат, обязательный для всех других, это – проповедь необходимости подчинения всей массы народа моральным и правовым нормам, выгодным только командующей силе. Здесь искусство приносится в жертву интересам воинствующей политики, низводится до орудия борьбы и – не убеждает нас, ибо мы видим или чувствуем в нём внутреннюю фальшь.

«...От кого бы я ни происходил, – говорит Пушкин, – ...образ мыслей моих от этого никак бы не зависел».

Это слова человека, который чувствовал, что для него интересы всей нации выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса.

Эстетическое значение поэзии Пушкина не стану доказывать, это потребовало бы сравнений стихов его со стихами

лучших писателей наших дней, исследований языка со стороны богатства слов, простоты, меткости и так далее.

Вы слышали его стихи в моём плохом чтении, вы знали их и до сего дня, – вы знаете, что никто из современных поэтов не может, не способен написать такого великолепного гимна радости, как «Вакхическая песня» Пушкина.

[Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жёны, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно,
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце! да скроется тьма!]